

Вера ЗУБАРЕВА

* * *

Я родилась в этом Городе,
Море в моих венах
Звездами раковин бродит
В млечностях белопенных,
Снов песчаное кружево,
Памяти белый катер,
Чайки в душе моей кружат
Вечером на закате.
Я родилась в этом Городе.
Воздух его — в дыхании.
Я родилась в этом Городе
Ранней апрельской ранью.
Двигались волн пилигримы,
И начинал возгораться
Город неопалимый
С ангелом белой акации.

* * *

Одесса в оккупации. В Оперном тишина
Исполняет реквием для позолоченных херувимов.
Билеты распроданы. Публика сожжена,
И пепел потоком движется мимо,
Останавливаясь на Куликовом, оседая в пыли,
Прилипая хлопьями к оброненной конфете
И поднимаясь из могильной земли,
Гонит дальше его конвоир-ветер.
Чумка, кладбище, за ним тюрьма.
За тюрьмою тьма,
Позади — дома
Остывают комнатами пустыми.
Кружит пепел. И чтоб не сойти с ума,
Город шепчет свое имя.

Вера Кимовна Зубарева — Ph. D. Автор литературоведческих монографий, книг стихов и прозы. Первая книга стихов вышла с предисловием Беллы Ахмадулиной. Публикации в журналах «Арион», «Вопросы литературы», «Дети Ра», «Дружба народов», «Зарубежные записки», «Интерпоэзия», «Нева», «Новый мир», «Новый журнал» и др. Главный редактор журнала «Гостинная», президент Объединения русских литераторов Америки (ОРЛИТА). Лауреат Международной премии им. Беллы Ахмадулиной (2012), Муниципальной премии им. Константина Паустовского (2010) и других престижных международных литературных премий. Преподает русскую литературу в Пенсильванском университете..

Зажигаются окна. Акация пахнет острой.
Говор чужбины щелкает затвором.
Свет уже за тридевять морей.
Только память о нем с городом.
— Шма Израэль!¹ — доносится волн иврит.
В камере тучи — звезда накануне смерти
Смотрит в Черное море, горит.
Одесса в оккупации. Сорок третий...

МЕТЕЛЬНОЕ

Свернуться калачиком и под снег уснуть,
Ладонь положив на страницу,
И вот уже тянется санный путь,
Укачивая возницу.
И снится закнижье, и все вверх дном,
И ветры дудят в валторны.
Все ближе страница — все дальше дом,
Все явственней путь неторный.
...А снег прибывает, как дни к векам,
И женщина-лебедь плывет по облакам
С прощальной сцены Большого.
Лицо ее отрешенно.
Она станцевала свой танец в огне
И выпадет снегом на той стороне,
Где в царствии мертвых царевен
Сияет ледовый терем.
Воронка метелей затаяет всех,
Вернется все в незапятнанный снег —
Как чтение — мерно и медленно.
Вот девочка — отблеск свечи на стекле —
С моею тоской повернулась ко мгле
И пишет письмо к Онегину.
Ее томленья не разгадать.
Из снега лепится благодать,
И розы, и белая конница...
И эту страницу лучше не покидать,
И с ней уснуть, и по ней мечтать,
И не ведать, чем все закончится.

* * *

И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный город...

А. С. Пушкин

Город заветный,
имя его — загадка,

¹ Слушай, Израиль! (*ивр.*) — декларация иудейской веры. Эти слова произносились евреями и перед казнью.

соль на его берегах,
магия чаек в небе.
С ним просыпаешься,
с ним засыпаешь
и слышишь —
кто-то аукает
в раковине старого дома.
Нет его больше.
Только то и осталось:
пенный прибой,
солнце за волнорезом,
дым корабля,
живших людей отраженья,
тени их на песке,
на мощеных улицах.
Цокает прошлое
бликами звонкого света,
город в броню одевает,
хранит, спасает,
шепчет ему
на языке Бога
что-то такое,
чем дышит он долго,
долго...

* * *

Оттого что тянет плоть к земле,
Оттого что тянет душу к небу,
В печке думы бродят о тепле,
В звезды сон забрасывает невод.
Снег раскрылся куполом, парит,
Белый парашют его в затишье,
Оплывают воском фонари —
Снег, мерцая, приземленья пишет,
Обнимает крышу, ель и холм,
Оседает, подступая к дому,
Словно там, в безлюдии своем,
Стосковался по всему земному...

СТРАНИЦА

Одесса моя, бегущая по волнам
В пламени заката, когда всем нам
Грезится такое, от чего вода
Закипает,

Дрожь накатывает на блаженство дач,
С поля катится футбольный мяч
В ров, где комариная орда
Бал свой правит.
Там дитя, зовущее из песков,
Тычется в поиске материнских сосков
В темный муравейник, откуда тленье
Сочится.
Так история с каждым говорит.
И в воде не тонет, и в огне не горит
Ее страница.

ПТИЦА-КАРГА

вот она смотрит на меня
буравит взглядом
испытывает

греет ожиданием
жжет надеждой
ледянит страхами

молчок ее разрывает барабанные перепонки
в углу у нее паук наподобие иконки
господи пауче, спаси и помилуй!

ночь уже который день
сидим подперев рукой подборок
смотрим друг в друга по обе стороны
чернильницы
она — всегда в глубине
поэтому взгляд ее мерцает влагой
темно-фиолетовой
а мой — сухой
воспаленный бессонницей и настольной лампой
мне говорят
она это я
но это неправда
она это она
а я это я и никто другой

дождь идет по улице с оркестром
тук-тук-тук
двери закрыты
а он все хлопает своими мокроступами
смывает следы
скоро не поймешь
где было дно морское а где двор
с желтой раковинной треснутого дома

я молчу
ухожу в себя
а она предлагает посмотреть на это шире
и несет меня
над прошлым и настоящим
над черным морем-куликовым полем
над бледной чернильницей-горевальницей
и от этого зрелища с высоты
становится еще печальнее и мокрее

ухнет во тьму
взмахнет шалью
из нее труха старой надежды
штопаной-перештопаной
явью наизнанку
хриплые обещания
хромоногие чаяния
нет от нее покоя ни днем ни ночью
точит меня точит
чего она хочет

снилось: город повели на казнь —

мы тебя четвертуем
мы тебя повесим
мы тебя мечом огнем да каленым железом

чтобы стали пеплом твои косточки
чтоб ни кирпичика от тебя
ни досточки
ни деревянной
ни мраморной
ни веселой
ни траурной
ни деревца
ни флота
ни одного анекдота
ни буквы
ни надписи

а город им:
накоси

сидит у свечи
клювом в пламя
жизнь и смерть поменяла местами
скачут человекообразные с хвостами
тень младенца плывет над крестами
на стенах граффити с числом зверя
шаль на плечах ее — драные перья

птица-карга, зачем ты являешься мне каждую ночь?

все это поток сознания
обломки мироздания
я без переиздания

сегодня было особое свечение
от луны, застрявшей в подушке облаков
словно кто-то вздумал придушить
эту царицу неба и небес
чего уж только с ней не вытворяли
и топтали ногами
и расстреливали в упор
и портили репутацию объявив на весь мир
что она это мертвый осколок земли
и время шло строевым шагом
готовилось к наступлению барабанило трубило
а потом исчезало стиралось в пыль
и все что осталось — только Книга
так и будет она сиять
пустынникам беглым и караванам
и темным морям чтоб они приливали
и отливали в положенный срок
и будут волны скатываться и раскатываться
как древний свиток в свечениях букв
и будет пескам до рассвета сниться
город в белой тунике с крыльями
и бликами лунности на их острие.